

В.В. Фисюков*

V.A. Fisyukov*

**Использование технологий
карающего забвения на примере
легитимации исключения
Л.Д. Троцкого из ВКП(б)**

**The Use of Techniques of Repressive
Oblivion by the Example
of the legitimization of Exclusion
of L.D. Trotsky from the VKP(b)**

doi:10.31518/2618-9100-2022-1-8

doi:10.31518/2618-9100-2022-1-8

УДК 93/94

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Фисюков В.А. Использование технологий карающего забвения на примере легитимации исключения Л.Д. Троцкого из ВКП(б) // Исторический курьер. 2022. № 1 (21). С. 77–88. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-1-08.pdf>

Fisyukov V.A. The Use of Techniques of Repressive Oblivion as an Example of the legitimization of the Exclusion of L.D. Trotsky from the VKP(b) // Historical Courier, 2022, No.1 (21), pp. 77–88. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-1-08.pdf>]

Abstract. This article considers a short but very eventful chronological interval, including a demonstration organized by the opposition in honor of the tenth anniversary of the October Revolution and the decision to expel its leaders, G.E. Zinoviev and L.D. Trotsky, first from the Central Committee and then from the ranks of the Party. The main research focus is on Trotsky, because the series of crushing defeats, coupled with countless criticisms from various members of the majority faction, is a clear example of the rapid disavowal of opponent's role in a political confrontation. In order to make sense of this flow of mutual insinuations one has to draw upon and compare the individual elements of the three typologies of oblivion: "selective" and "repressive" oblivion by A. Assman, categories of the repressive erasure in the Paul Connerton system and finally "sins of Suggestibility and Bias" from D. Schacter's theory. As a source base the author used the stenographic report of the Joint Plenum of the Central Committee and Central Committee of the VKP(b) on October 21–23, polemical speeches of the opposition and majority faction, including those in the "Pravda" newspaper and "Bolshevik" magazine, grotesque depictions of the opposition in issues of "Krokodil", and the correspondence of various Party members. The author concludes that Trotsky's expulsion from the VKP(b) was the culmination of a transition from "selective" oblivion, i.e., the natural process of selective remembrance of past events, to "repressive" oblivion: the denial and falsification of "inconvenient" episodes and the use of flexible interpretations.

Keywords: L.D. Trotsky, intraparty struggle in the VKP(b), repressive oblivion, selective oblivion, "repressive erasure", the Sin of Suggestibility, the Sin of Bias, critical discourse analysis.

The article has been received by the editor on 01.12.2021.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье рассмотрен непродолжительный, но весьма насыщенный поворотными событиями хронологический отрезок, включающий проведение демонстрации оппозицией в честь десятилетнего юбилея Октябрьского переворота и решения об исключении ее лидеров, Г.Е. Зиновьева и Л.Д. Троцкого, сначала из ЦК, а затем и из рядов партии. Основное исследовательское внимание сосредоточено именно на Троцком, ведь череда его сокрушительных поражений параллельно с бесчисленной критикой со стороны разных представителей фракции большинства служит наглядным примером стремительного дезавуиро-

* Фисюков Вячеслав Александрович, студент, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия, e-mail: v.fisyukov@g.nsu.ru

Fisyukov Vyacheslav Aleksandrovich, Student, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, e-mail: v.fisyukov@g.nsu.ru

вания роли оппонента в ходе политического противоборства. Разобраться в этом потоке взаимных инсинуаций поможет привлечение и сравнение отдельных элементов трех типологий забвения: «селективного» и «карающего» забвения А. Ассман, категории «репрессивного стирания» (repressive erasure) в системе П. Коннертона и, наконец, «грехов внушаемости и предвзятости» (the sins of Suggestibility and Bias) из теории Д. Шектера. Методы критического дискурс-анализа Т. Ван Дейка позволят определить формы их практического применения. В качестве источниковой базы использовался стенографический отчет Объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 21–23 октября, полемические выступления оппозиции и фракции большинства, в том числе на страницах журнала «Большевик», гротескные отображения оппозиции в номерах «Крокодила», а также материалы переписки разных партийцев. Автор приходит к выводу, что исключение Троцкого из ВКП(б) стало кульминационной точкой перехода от «селективного» забвения, т.е. вполне естественного процесса избирательного памятования о событиях прошлого, к забвению «карающему»: отрицанию и фальсификации «неудобных» эпизодов, применению гибких интерпретаций.

Ключевые слова: Л.Д. Троцкий, внутрипартийная борьба в ВКП(б), «карающее» забвение, «селективное» забвение, репрессивное стирание, грех внушаемости, грех предвзятости, критический дискурс-анализ.

Л.Д. Троцкий принадлежит к числу тех политиков, чье имя давно стало нарицательным и растворилось в потоке самых разных репрезентаций. Его бесчисленные мемуарные, художественные, публицистические и кинематографические воспроизведения служат тому наглядным доказательством. Можно согласиться с исследователями, которые в таком «мифотворческом гуле» вполне справедливо выделяют преобладающую коммеморативную тенденцию – «негативное забвение»¹. Эта формулировка как раз и будет более подробно раскрыта в статье.

Осенью 1927 г. разворачивается завершающая фаза противоборства фракции большинства и оппозиции. На Объединенном пленуме ЦК и ЦКК 21–23 октября официально должны были обсуждаться два вопроса: директивы пятилетнего плана развития народного хозяйства и работа в деревне. Правда, уже в самом начале заседания М.Н. Янсон предлагает рассмотреть антипартийные действия «троцкистско-зиновьевского» блока². Тогда же, в атмосфере постоянных выкриков, прерываний и оскорблений, прозвучала последняя речь Л.Д. Троцкого в качестве члена этого партийного органа. Решением пленума он, как и Г.Е. Зиновьев, был исключен из состава ЦК.

На последовавших затем демонстрациях в честь десятилетия Октябрьской революции оппозиционеры выступали с лозунгами «Повернем огонь направо – против кулака, нэпмана и бюрократа», «Выполним завещание Ленина», «Против оппортунизма, против раскола – за единство ленинской партии» и с портретами Ленина, Троцкого и Зиновьева участвовали в шествиях. Правда, любые их попытки организованного движения тут же пресекались: оппозиционеров задерживали, разгоняли и избивали сторонники партийного большинства³. Стоит заметить, что они и сами нередко «по-товарищески толкались»⁴ с милицией, а временами могли и, угрожая оружием, освободить единомышленников из-под ареста⁵.

Уже через неделю после событий, 7–8 ноября, публикуется постановление ЦК и ЦКК об исключении Троцкого и Зиновьева из партии, отмечается также, что вопрос о пребывании других оппозиционеров в ВКП(б) будет решаться на XV съезде⁶. На нем и происходит окон-

¹ Резник А.В. Введение // Л.Д. Троцкий: pro et contra, антология. 2-е изд. СПб., 2016. С. 9–10.

² Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 21–23 октября 1927 г. Документы и материалы. М., 2018. С. 5.

³ Фельштинский Ю. Г., Чернявский Г.И. Лев Троцкий. Книга третья. Оппозиционер. 1923–1929 гг. М., 2013. С. 276–278.

⁴ Серж В. От революции к тоталитаризму. Воспоминания революционера. Оренбург, 2001. С. 274.

⁵ Шубин А.В. Вожди и заговорщики. М., 2004. С. 156.

⁶ Фельштинский Ю. Г., Чернявский Г.И. Лев Троцкий. Книга третья... С. 282.

чательный раскол объединенной оппозиции: в заявлении «23-х» от 19 декабря Зиновьев и Каменев заявляют о полном отказе от своих прошлых взглядов, обязуются следовать партийной дисциплине и просят вернуть их в ВКП(б)⁷. Но даже такой «демонстративный разрыв» с Троцким и «капитуляция»⁸ перед фракцией большинства не помогли им: съезд подтвердил ноябрьское постановление ЦК и ЦКК и постановил исключить из партии 75 участников объединенной оппозиции, включая Каменева, Раковского, Радека, Смилгу и Пятакова. После этого началась уже массовая чистка партии, повлекшая исключение менее заметных сторонников Троцкого⁹.

Эти события отображают не просто дискредитацию и практически полное уничтожение политического оппонента, но и демонстрируют успешное применение идеологического потенциала такой победы в целях легитимации как текущих, так и последующих мер подавления любого альтернативного мнения.

В качестве методологического стержня исследования использовалась составная часть таксономии А. Ассман – форма «карающего» забвения, предполагающая уничтожение любых упоминаний о каком-либо событии или же личности путем одностороннего толкования исторического процесса и применения гибких интерпретаций¹⁰. Ее важным компонентом становится «структурное насилие» – ограничения в доступе к общественному и культурному ресурсу, препятствующие распространению альтернативных трактовок¹¹. Обозначение этой тактики «бюрократического режима» было одним из основных элементов риторики оппозиции¹².

Такая «символическая опала» политического соперника осуществляется с помощью техник забвения, среди них в контексте работы наибольший потенциал содержат нейтрализация и отрицание. Если первая представляет собой действия по маргинализации, историзации и музеефикации, последовательно снижающие значимость события или личности¹³, то отрицание обычно заключается в акцентировании сугубо негативных свойств¹⁴.

Эти формулировки могут быть уточнены с помощью привлечения семантически близких категорий из таксономий двух других исследователей забвения – психолога Д. Шектера и социального антрополога П. Коннертона. Последний в качестве одного из семи типов выводит «репрессивное стирание» – отрицание факта исторического разрыва между событиями прошлого или же, наоборот, его конструирование, характерное главным образом для тоталитарных обществ¹⁵. При этом нередко происходит не столько уничтожение памяти, сколько ее «очернение»¹⁶. Этот мотив прослеживается и в рассматриваемом примере с Л.Д. Троцким – в печати происходила последовательная дискредитация его имени. Концепт «стирания» помещается П. Коннертоном в широкую социально-историческую плоскость¹⁷: от идей футуристов и борьбы против пережитков «старого режима» в революционной Франции до ликвидации вообще любых упоминаний о низвергнутых политиках в Древнем Риме и анализа ритуалов забвения умерших среди австралийских аборигенов¹⁸.

Ситуативное использование идеи «исторического разрыва» иллюстрирует применение техник отрицания и нейтрализации, а перечисление возможных «агентов», занимающихся репрессивным навязыванием каких-либо ценностей (будь то государство в целом, правящая партия или же музейные работники, намеренно акцентирующие внимание на одних экспо-

⁷ Фельштинский Ю.Г., Чернявский Г.И. Лев Троцкий. Книга третья... С. 296.

⁸ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Т. 2. Берлин, 1930. С. 285.

⁹ Павлюченков С.А. «Орден меченосцев». Партия и власть после революции. 1917–1929. М., 2008. С. 427.

¹⁰ Ассман А. Забвение истории – одержимость историей. М., 2019. С. 44–45.

¹¹ Там же. С. 47.

¹² Коммунистическая оппозиция в СССР. Venson (Vt.), 1988. Т. 4: (1923–1927). С. 265.

¹³ Ассман А. Забвение истории – одержимость историей... С. 23.

¹⁴ Там же. С. 24.

¹⁵ Connerton P. Seven types of forgetting // Memory studies. 2008. Vol. 1 (1). P. 60.

¹⁶ Connerton P. The spirit of mourning: history, memory and the body // Seven types of forgetting. 2011. P. 41.

¹⁷ Erdeylyi M.H. Forgetting and remembering in psychology: Commentary on Paul Connerton's "Seven Types of Forgetting" // Memory studies. 2008. Vol. 1 (3). P. 275.

¹⁸ Connerton P. The spirit of mourning: history, memory and the body... P. 41–44.

натах и скрывающие другие¹⁹), уточняет понятие «структурного насилия» из теории А. Ассман.

Идеи Д. Шектера на первый взгляд довольно сложно экстраполировать на исследование методов забвения имени Л.Д. Троцкого, эту же мысль первоначально подтверждает и эмпирическая база: рассматриваются применяемые полицией техники наводящих вопросов, использование гипноза как практики дознания, особенности когнитивного интервью и т.д. Правда, введенный автором «грех внушаемости» (The Sin of Suggestibility) в качестве одной из разновидностей включает случаи самоговора или ложного признания вины под психическим или физическим насилием²⁰. Все более частое использование техник отрицания и нейтрализации склоняло многих оппозиционеров к полному признанию вины, и если «капитуляция» изначально колеблющихся «зиновьевцев»²¹ была во многом закономерной, то стремление к примирению К. Радека уже в 1928 г.²² может служить доказательством пока еще преимущественно идеологического давления, так как в 1930-е гг. проявятся во всей полноте «коммунистические» методы допроса²³. Стоит учитывать и комплексный характер воспоминаний о прошлом: помимо собственно реконструкции событий минувшего, на них оказывают влияние многие особенности настоящего, текущего момента, включая наши ожидания от памяти и особенности техник внушения²⁴.

Таксономию А. Ассман можно уточнить и с помощью проявлений «греха предубежденности» (The Sin of Bias), который на примере внутрипартийной борьбы проявляется в стремлении минимизировать свои былые расхождения с Лениным и партийной линией под влиянием политической конъюнктуры²⁵ или же в кардинальном изменении отношения к Л.Д. Троцкому на фоне его поражений. Такие метаморфозы прослеживаются в творчестве поэта Д. Бедного и художника В.Н. Дени, а также в риторике Е. Ярославского – одного из самых непримиримых борцов против «троцкизма», который буквально в 1923 г. не скупился на похвалы литературному таланту тогдашнего наркомвоенмора²⁶. Другой гранью предубежденности является стереотипизация представлений об оппозиционерах как «меньшевиках» и «крикунах», препятствующих государственному строительству. Столь серьезное упрощение социальной реальности²⁷ создавалось не в последнюю очередь путем использования карикатур и памфлетов в качестве инструмента идеологического воздействия на широкие партийные и беспартийные массы.

Теоретические положения А. Ассман, уточненные элементами таксономий П. Коннертона и Д. Шектера, подкреплялись использованием некоторых методов критического дискурса-анализа Т. Ван Дейка. Предлагаемые им механизмы изучения дискурсивных способов реализации и легитимации социальной власти доминирующей группы²⁸ («нас», в контексте исследования – фракции большинства) в ходе процесса постепенного подавления «их» (оппозиции)²⁹. Широкая партийная и беспартийная общественность при таком противоборстве становится «мишенью дискурса»³⁰, которая воспринимает риторику победившей стороны. При анализе источников особое внимание уделялось следующим моментам:

- содержание и синтаксис заголовков;
- общий стиль лексики и подбора слов;
- семантические уловки («Мы не имеем ничего против, но...»);

¹⁹ Connerton P. Seven types of forgetting... P. 69–70.

²⁰ Schacter D. The seven sins of memory: how the mind forgets and remembers. Boston, 2001. P. 120.

²¹ Шубин А.В. Вожди и заговорщики. М., 2004. С. 157.

²² Фельштинский Ю.Г., Чернявский Г.И. Лев Троцкий. Книга третья... С. 374–376.

²³ Schacter D. The seven sins of memory... P. 121.

²⁴ Ibid. P. 129.

²⁵ Ibid. P. 139–140.

²⁶ Резник А.В. Введение // Л.Д. Троцкий: pro et contra, антология... 33–34.

²⁷ Schacter D. The seven sins of memory... P. 154–155.

²⁸ Ван Дейк Т.А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М., 2013. С. 112–14.

²⁹ Там же. С. 60.

³⁰ Там же. С. 126.

– акцентирование положительных и негативных действий (выбор темы, размещение материала на первой странице, применение политических эвфемизмов, смягчений, если речь идет о доминирующей группе и т.д.)³¹.

Элементы постепенного укоренения именно «карающей» формы забвения можно обнаружить в стенограмме Объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 21–23 октября, публицистических статьях на страницах «Большевика», материалах частной переписки между разными партийцами, а также в карикатурах из номеров «Крокодила», посвященных оппозиции. Выбор этих источников неслучаен: благодаря их живости, полемической заостренности и периодическим демонстрациям неформальных отношений (будь то оскорбления, выкрики во время выступления оппонента и т.д.) более явно прослеживаются методы дискриминации позиции соперника и подкрепления легитимации собственного мнения.

Так, на страницах «Большевика» за октябрь–ноябрь 1927 г. можно встретить негативные упоминания Троцкого в самых разных контекстах. Например, Э. Гольденберг при критике экономической аргументации оппозиции вспоминает, как в 1923 г. Лев Давидович выступал за закрытие «гигантов пролетарской индустрии» по типу завода «Красный Путиловец», теперь же пытается выставить себя «защитником рабочих от индустриализации», наживает «политический капитал» на неизбежных трудностях переходной эпохи³². Заголовок статьи «От пораженчества к меньшевизму» уже содержит основной тезис, который автор, обращаясь к статистическому анализу отдельных положений оппозиционной платформы, последовательно обосновывает, доказывает ее «идейный разрыв с коммунизмом»³³. Риторика противников фракции большинства провозглашается «клеветой, передергиванием и меньшевистской демагогией»³⁴.

Более четко грани технологии отрицания проступают в статье М. Глебова. На первых же страницах встречается мотив «третьей силы»: никакие внутренние и внешние проблемы по тяжести наносимого урона не могут сравниться с выступлениями оппозиции, поэтому зарубежные «реставраторы» прежних порядков особенно на нее надеются. Эту мысль автор считает настолько очевидной, что для ее подтверждения «доказательства вряд ли нужны теперь»³⁵. Отдельное внимание уделяется «троцкизму» – «чуждой партии идеологии», ее «адвокатами» с некоторых пор являются Зиновьев и Каменев³⁶, которые большевиками могли называться лишь во время «Литературной дискуссии»³⁷. Эта мысль включает целых два элемента отрицания. Во-первых, в дискурсе внутрипартийной борьбы все более самостоятельное значение приобретает использование «троцкизма» в качестве ярлыка, способа дискредитации оппонента и его обвинения в раскольничестве и «политическом авантюризме»³⁸. Такое обозначение можно считать частью общего процесса стереотипизации образа оппозиционера для широких общественных масс – вместо доскональных и многоступенчатых доказательств ошибочности положений их платформы удобнее было максимально упростить восприятие клеймением любых расходящихся с официальной линией мнений «троцкизмом» или «меньшевизмом», наполнить эти понятия сугубо негативным содержанием. Во-вторых, конструирование исторического разрыва для акцентирования положительного «тогда» и негативного ошибочного «теперь»: «прежние» Зиновьев и Каменев обличали Троцкого и его идеи, теперь же упорно «доказывают всей партии, что

³¹ Ван Дейк Т.А. Дискурс и власть... С. 99.

³² Гольденберг Э. От меньшевизма к пораженчеству // Политико-экономический двухнедельник «Большевик». М., 1927. № 19–20. С. 18–19.

³³ Там же. С. 13.

³⁴ Там же. С. 23.

³⁵ Глебов М. Кто ведет современную оппозицию? // Политико-экономический двухнедельник «Большевик». М., 1927. № 22. С. 33.

³⁶ Там же. С. 34.

³⁷ Там же. С. 37.

³⁸ Там же.

троцкизма нет», поэтому после такого «тушинского перелета» утратили право называться большевиками³⁹.

16 ноября застрелился тяжело больной А.А. Иоффе – известный советский дипломат, один из делегатов на Брестских переговорах, оппозиционер и сподвижник Троцкого. До этого собранный Лечебной комиссией ЦК консилиум врачей принял решение как можно скорее отправить его на лечение за границу. Вот только это предписание осталось фактически проигнорированным⁴⁰. Иоффе оставил посмертное письмо Троцкому, в котором признавал его «политическую правоту начиная с 1905 года» и указывал в качестве слабой стороны Льва Давидовича отсутствие «ленинской непреклонности»⁴¹. Это событие никак не мог обойти стороной один из наиболее последовательных критиков оппозиции – Е. Ярославский. Сначала он оспаривает условия жизни А.А. Иоффе уже во время болезни⁴², затем переходит к своеобразной трактовке отдельных положений письма. Довольно подробно, например, останавливается на фразе «Революция лишила меня состояния, и я не могу лечиться за свой счет», напрочь отбрасывая, правда, вторую часть предложения. Такая семантическая уловка позволяет Ярославскому перейти к описанию жалоб Иоффе как отражению «гнилой философии мелкобуржуазного революционера»⁴³. Примечательно и наименование проводившихся от имени ЦК похорон заметного члена ВКП(б)⁴⁴ «обычными»⁴⁵.

Правда, с нескрываемо большим негодованием автор обрушивается на упомянутые в письме характеристики Троцкого. Так, при комментировании фразы Иоффе о том, что он слышал от Ленина о «политической» правоте именно Льва Давидовича в 1905 г., Ярославский замечает: получается, и в другие периоды «большевистский» вектор партийного развития был неверен? Следом перечисляется «сколачивание» Троцким августовского блока, его метания между фракциями в годы Первой мировой, участие в Брестских переговорах и профсоюзной дискуссии в контексте критики Лениным «троцкизма и 1905, и последующих годов»⁴⁶. Основой такого риторического приема становится стирание исторического разрыва между какими-либо событиями, т.е. политически неудобная фраза о мнении Ленина насчет 1905 года «размывается» его критикой Троцкого на протяжении следующих лет, что, в свою очередь, «подтверждает» извечную борьбу партии в лице Ильича с «троцкизмом».

Материалы личной переписки представляют особую ценность для анализа перипетий внутрипартийной борьбы, так как содержат максимально «живой» и субъективный стиль описания событий. Тот же Е. Ярославский при характеристике своего «фашистски-хулиганского»⁴⁷ поведения делает важное семантическое противопоставление «нас, большевиков» и «их», т.е. оппозиционеров. Троцкий же своими фразами «провоцировал на физическое насилие», вот он и «запустил» в него томиком Госплана⁴⁸. Такой поступок члена ЦКК в отношении пока еще состоящего в ЦК Троцкого становится вполне обыденным при условии весьма интенсивной кампании по его дискредитации путем сначала нейтрализации, а затем отрицания.

В.Г. Фейгин в письме Г.К. Орджоникидзе пишет о любопытной ситуации: на собрании комсомольского актива безуспешно пытался выступить оппозиционер Тер-Ваганьян, которого постоянно прерывали и «поднимали бешеный и непристойный шум»⁴⁹. После этого уже

³⁹ Глебов М. Кто ведет современную оппозицию? ... С. 36.

⁴⁰ Фельштинский Ю.Г., Чернявский Г.И. Лев Троцкий. Книга третья... С. 284.

⁴¹ Приложение к ст. тов. Ярославского: Письмо А. Иоффе // Политико-экономический двухнедельник «Большевик». М., 1927. № 23–24. С. 150.

⁴² Ярославский Е. Философия упадничества // Политико-экономический двухнедельник «Большевик». М., 1927. № 23–24. С. 138–139.

⁴³ Там же. С. 140.

⁴⁴ Фельштинский Ю.Г., Чернявский Г.И. Лев Троцкий. Книга третья... С. 285.

⁴⁵ Ярославский Е. Философия упадничества... С. 144.

⁴⁶ Там же. С. 141–142.

⁴⁷ Коммунистическая оппозиция в СССР... С. 230.

⁴⁸ Большевицкое руководство. Переписка. 1912–1927. М., 1996. С. 352.

⁴⁹ Коммунистическая оппозиция в СССР... С. 232.

ночью той же аудитории показывали картину «Десятилетие Октября», правда, недавние «крикуны и свистуны» встречали любое появление Троцкого на экране «бурными аплодисментами»⁵⁰. Ответ на вопрос о возможных причинах такой «двойственности» восприятия фигуры Льва Давидовича может корениться лишь в начале перехода к «карающему забвению», ведь в 1927 г. даже абсолютным противникам Троцкого было сложно подвергать сомнению его роль в организации Октябрьского переворота и победы в Гражданской войне.

Мощным средством подавления оппозиции становится сатирический журнал «Крокодил»: в 48 номерах за 1927 г. было размещено 18 гротескных изображений оппозиции и 10 – конкретно Л.Д. Троцкого. Причем наибольшее число карикатур вполне закономерно приходится на октябрь и ноябрь.

Среди всех изображений особенно выделяются два: на первом (рис. 1) Троцкий выступает в роли главы семейства, Зиновьев – видимо, его «супруга», а Каменев – «сын» или младший член оппозиционного «семейства». Такая иллюстрация, несмотря на всю ее гротескность, явно демонстрирует, что в качестве лидера объединенной оппозиции воспринимался именно Троцкий, Каменев же из всех трех имеет наименьший политический вес. Не совсем, правда, очевидно, зачем иллюстратор на заднем фоне изображает портрет Карла Маркса, ведь оппозиционеров обычно помещали в идейное поле «ренегата» Каутского, как это видно на другой иллюстрации⁵¹: меньшевик размещает портрет Троцкого и Зиновьева рядом с изображением Каутского, поясняя, что они теперь не чужды социал-демократическим кругам. Вторая карикатура (рис. 2) во многом повторяет приемы дискредитации, отраженные в первой: вновь Троцкий воплощается в качестве лидера, занимает визуальное центральное пространство и выступает в роли шарманщика, Зиновьев изображен как «певица», а Каменев в очередной раз даже не с первого раза замечен и предстает в виде «попугая». Если учитывать, что «Крокодил» выходил четыре раза в месяц⁵², то № 44 можно датировать последней неделей ноября 1927 г.: как раз 15-го числа того же месяца было

⁵⁰ Большевицкое руководство. Переписка... С. 356.

⁵¹ Крокодил. 1927. № 41. С. 9.

⁵² Юрганов А.Л. Иллюстрация единства партии в журнале «Крокодил» в контексте борьбы за власть в середине 20-х годов XX в. // Вестник РГГУ: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2020. № 10. С. 138.

Рис. 1. Крокодил. 1927. № 43. С. 9.
Неопровержимое доказательство
(рис. К. Елисеева). САМ (глава семьи):
– Мы били правы, – яблоки нам бросали гнилые,
калоши рваные... А что из этого следует?
Что материальное положение рабочего класса
тяжело, – как мы и говорили

Рис. 2. Крокодил. 1927. № 44. С. 1.
Надоела эта музыка (рис. К. Елисеева).
– Играем, играем, а никто к нам не идет!..

опубликовано официальное постановление об исключении Троцкого из рядов ВКП(б), поэтому нет ничего удивительного в размещении этой карикатуры на обложке номера. Такое же семантическое акцентирование было использовано и во время работы XV съезда ВКП(б). Троцкий изображается вне стен заседания партии, подпись под иллюстрацией⁵³ гласит: «Ленин мертв, но дело его живет! Троцкий жив, но “дело” его умерло». Иллюстрация служит в каком-то смысле итогом агитационной работы по легитимации решения об исключении Льва Давидовича из партии и уже традиционно противопоставляет его Ленину.

Видно, что художник К. Елисеев на обеих иллюстрациях изображает Зиновьева и Каменева в противоестественном виде, феминизируя первого и минимизируя образ последнего. Любопытно в этой связи, что лишь Троцкий сохраняет свой нормальный облик и неизменно предстает в качестве лидера оппозиции. То есть техника отрицания буквально пронизывает обе карикатуры, распространяясь, правда, в большей степени на Зиновьева с Каменевым.

Отдельно стоит отметить и мотив поезда, характерный для двух других изображений. Первое (рис. 3) датируется еще августом 1927 г. и вдохновлено событиями Объединенного пленума ЦК и ЦКК, проходившего с 29 июля по 9 августа. На нем первоначальное решение об исключении Троцкого и Зиновьева из Центрального комитета было изменено при условии соблюдения оппозицией обязательства не создавать фракцию. «Поезд», символизирующий партию, может обозначать вектор ее дальнейшего развития, поэтому знаменательно, что оппозиция в лице Л. Троцкого, Г. Зиновьева, И. Смилги, Г. Евдокимова⁵⁴ пока изображается в роли его пассажиров, сидящих в купе. Но это не мешает требовательному контролеру, который персонифицирует фракцию большинства, заявлять следующее: «Вы, товарищи, заехали слишком далеко за партлинию. Эти билеты действительны только в ее пределах!». Следующая карикатура (рис. 4) была опубликована в номере за вторую неделю ноября – тем разительнее контраст в использовании образа «поезда» по сравнению с первой. Теперь впол-

Рис. 3. Крокодил. 1927. № 30. С. 3.
Тактика дальнего... заезда (рис. М. Храпковского). КОНТРОЛЕР: – Вы, товарищи, заехали слишком далеко за партлинию. Эти билеты действительно только в ее пределах!

Рис. 4. Крокодил. 1927. № 42. С. 12.
Оппозиционная линия (рис. К. Елисеева).
АНТИСОВЕТСКИЙ ЭЛЕМЕНТ: – Хоть и без билетов, но как-нибудь доедем, – нам эта линия по пути!..

⁵³ Крокодил. 1927. № 45. С. 1.

⁵⁴ Юрганов А.Л. О первом опыте политического зомбирования в сатирическом журнале «Крокодил». Август 1927 // Россия XXI. Ярлыки и мифы. 2020. № 6. С. 103.

не отчетливо Троцкий изображается в качестве машиниста, который мчит к меньшевизму. Пассажиры его поезда – вновь феминизированный Зиновьев⁵⁵ и глядящий в окно Каменев.

Сравнение двух иллюстраций показывает, как поменялось положение оппозиции всего за несколько месяцев: на первой преобладает все же техника нейтрализации, изображающая лидеров оппозиции, включая Троцкого, в виде скромно сидящих пассажиров «поезда», которые хоть и «провинились» перед партией, но все еще являются ее частью, в то время как вторая карикатура артикулирует образ Троцкого-машиниста, ведущего уже свой, сугубо меньшевистский поезд. Так, на примере этих изображений можно проследить переход от использования преимущественно нейтрализации к технике отрицания.

Наглядной демонстрацией структурного насилия, т.е. лишения возможности законным путем обращаться к широким массам, служит инцидент с запрещением публикации «Платформы 13-ти». После этого оппозиционеры начали распространять свою программу нелегально, в том числе с помощью подпольной типографии. Вскоре она была раскрыта ОГПУ, а ее организаторы были обвинены в связях с контрреволюционными силами и подготовке вооруженного переворота⁵⁶. Правда, основой этих обвинений был «врангелевский офицер», оказавшийся в итоге агентом ОГПУ, и некий Тверской, давший сомнительные показания насчет того, что он из третьих уст «под большим секретом» узнал о готовящемся военном заговоре под руководством Троцкого и С.С. Каменева⁵⁷. Карикатуристы, разумеется, не могли обойти стороной такой сюжет (рис. 5): вышеозначенные оппозиционеры, включая еще и К. Радека, изображаются в стенах той самой подпольной типографии. Курьер (возможно, тот самый агент ОГПУ под прикрытием) в своей реплике замечает, что шрифт принес, но «без трех букв только: В, К, П», намекая на изолированность оппозиции от широких партийных масс.

В качестве промежуточного вывода следует отметить, что среди карикатур пока нельзя выделить преобладание техники именно отрицания, так как наравне с дискредитацией путем гротескных изображений встречаются и куда менее жесткие иллюстрации с применением скорее нейтрализации, т.е. понижением в первую очередь политической значимости.

Наконец, в уже упоминавшемся письме В.Г. Фейгина Г.К. Орджоникидзе описывалась царившая на октябрьском Объединенном пленуме ЦК и ЦКК атмосфера: Е. Ярославский успел швырнуть в Троцкого томом контрольных цифр (этим же поступком отметился и Н.М. Шверник), Н.А. Кубяк бросил в него стакан⁵⁸, а Н.И. Муралову так и вовсе пришлось защищать Льва Давидовича, пока один из партийцев «нежно стаскивал» бывшего наркомвоенмора с трибуны⁵⁹. Все это вкупе с постоянными оскорблениями в адрес оппозиционеров создавало дополнительный психологический прессинг, в немалой степени склонявший их впоследствии к признанию «вины» перед партией. Примечательно, что уже в самом начале

Рис. 5. Крокодил. 1927. № 44. С. 4.
В подпольной типографии (рис. К. Елисеева).
– Ну, что. Принес шрифт?! Все захватил?!
– Почти все. Без трех букв только: В, К, П

⁵⁵ Вот уже как минимум на трех карикатурах К. Елисеева заметна феминизация Г. Зиновьева. Поэтому в какой-то степени такой способ изображения можно назвать его авторским стилем.

⁵⁶ Панин Е.Л. Методы внутрипартийной борьбы в СССР в середине 1920-х гг. // Наука без границ: Исторические науки. 2017. № 5 (10). С. 100–101.

⁵⁷ Коммунистическая оппозиция в СССР... С. 190–195.

⁵⁸ Там же. С. 232.

⁵⁹ Большевистское руководство. Переписка... С. 356.

заседания речь Троцкого была прервана, а затем изъята из стенограммы⁶⁰, что является очевидным элементом техники отрицания, а сам Объединенный пленум в этом случае выступает агентом структурного насилия. А выкрики представителей фракции большинства демонстрируют, как одна лишь персоналия Льва Давидовича даже без упоминания «перманентной революции» или же его меньшевистского прошлого артикулируется в качестве синонима всех пагубных тенденций партийного развития: во время реплик Евдокимова по поводу рационализации производства⁶¹ и насчет крестьянского вопроса⁶² из зала доносится идентичная фраза «До чего Троцкий довел!». Обращают на себя внимание и реплики Калинина, в очередной раз подчеркивающие восприятие именно Троцкого в качестве «вдохновителя» и идейного лидера оппозиции: «идущие в хвосте» Льва Давидовича партийцы уже одним этим фактом «лучше всего себя характеризуют». Отрицание усиливается уже традиционными замечаниями о переходе с позиций «ленинских» (т.е. отход от поддержки «нас» – фракции большинства) на «троцкистские» («они» – оппозиционеры, партийные «раскольники»)⁶³. Интересно в этом контексте, как Калинин использует фигуру Троцкого для отрицания уже Каменева и Зиновьева: теперь в их речах уже не слышно «наших старых друзей-большевиков», отныне в них «гремит Троцкий»⁶⁴. То есть описанная выше бинарная оппозиция «мы» и «они» дополнительно усиливается конструированием исторического разрыва: «большевики» раньше и «троцкисты» теперь.

Итак, по вопросу о возможных причинах поражения Л.Д. Троцкого высказываются самые разные мнения, подчас классифицирующие их на объективные (оформление ВКП(б) во все более мощную политическую структуру, нуждающуюся в прагматическом диктаторе) и субъективные (его стремление следовать «правилам игры», меньшевизм и полемические баталии с Лениным в прошлом, высокомерие и чувство личного превосходства – все это обычно противопоставляется «большевистской скромности» и кадровой расчетливости Сталина)⁶⁵. Методы, предложенные в этой статье, позволяют объединить анализ процесса всестороннего задействования пропагандистского аппарата в целях легитимации решения фракции большинства с рассмотрением адаптивной⁶⁶, во многом защитной стороны забвения⁶⁷, связанной уже в немалой степени с феноменом конформизма. При этом автор осознает, что выработанный инструментарий нуждается в дальнейшем уточнении и эмпирическом подтверждении.

Если Объединенный пленум ЦК и ЦКК, заседавший с 29 июля по 9 августа 1927 г., все же снял с повестки обсуждения вопрос об исключении Л.Д. Троцкого и Г.Е. Зиновьева из ЦК, ограничившись предупреждением и строгим выговором⁶⁸, то события октября и ноября демонстрируют усиление партийного авторитета Сталина, пусть и с учетом сохранения некоторых традиций коллективного руководства⁶⁹. Масштабы привлеченного фракцией большинства административного ресурса и методы его практического применения становятся кульминационной точкой в процессе постепенного перехода именно к элементам «карающего» забвения, которые с течением времени вытесняют форму «селективного» забвения, т.е. вполне естественного для любого общества «фильтра», отсеивающего одни воспоминания и сохраняющего другие⁷⁰.

⁶⁰ Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б)... С. 24–25.

⁶¹ Там же. С. 42.

⁶² Там же. С. 87.

⁶³ Там же. С. 75–76.

⁶⁴ Там же. С. 189.

⁶⁵ Чернявский Г. Лев Троцкий. М., 2010. С. 434–436.

⁶⁶ Эта мысль высказывается П. Коннертоном при описании «забвения как униженного молчания»: табуирование воспоминаний о каком-либо событии в прошлом является «формой выживания» в настоящем. Правда, такое замечание можно экстраполировать и на «репрессивное стирание», вынуждающее людей придерживаться лишь одной интерпретации минувшего.

⁶⁷ Erdeylyi M. *H Forgetting and remembering in psychology...* P. 275.

⁶⁸ Апальков Д.И. Внутриполитическая борьба в РКП(б) – ВКП(б) (1920-е – начало 1930-х гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2017. С. 106.

⁶⁹ Там же. С. 115–16.

⁷⁰ Ассман А. Забвение истории – одержимость историей... С. 39.

Литература

- Апальков Д.И. Внутриполитическая борьба в РКП(б)–ВКП(б) (1920-е – начало 1930-х гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2017. 206 с.
- Ассман А. Забвение истории – одержимость историей / сост., пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 552 с.
- Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927: сб. док-тов / сост.: А.В. Квашонкин, О.В. Хлевнюк, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. 423 с.
- Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927 / сост. Ю. Фельштинский. Venson: Chalidze Publications, 1988. Т 4: 1927. 280 с.
- Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 21–23 октября 1927 г. Документы и материалы / сост. И.И. Кудрявцев. М., 2018. 471 с.
- Павлюченков С.А. «Орден меченосцев». Партия и власть после революции. 1917–1929. М., 2008. 463 с.
- Панин Е.Л. Методы внутривнутрипартийной борьбы в СССР в середине 1920-х гг. // Наука без границ: Исторические науки. 2017. № 5 (10). С. 99–102.
- Резник А.В. Введение // Л.Д. Троцкий: pro et contra, антология. 2-е изд. СПб., 2016. С. 7–40.
- Серж В. От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера / пер. с франц. Ю.В. Гусевой, В.А. Бабинцева. М.: Праксис; Оренбург: Оренбургская книга, 2001. 696 с.
- Ван Дейк Т.А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 344 с.
- Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Т. 2. Берлин, 1930. 337 с.
- Фельштинский Ю.Г., Чернявский Г.И. Лев Троцкий. Книга третья. Оппозиционер. 1923–1929 гг. М., 2013. 464 с.
- Чернявский Г. Лев Троцкий. М.: Молодая гвардия, 2010. 665 с.
- Шубин А.В. Вожди и заговорщики: политическая борьба в СССР в 1920–1930-х годах. М.: Вече, 2004. 400 с.
- Юрганов А.Л. Иллюстрация единства партии в журнале «Крокодил» в контексте борьбы за власть в середине 20-х годов XX в. // Вестник РГГУ: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2020. № 10. С. 135–145.
- Юрганов А.Л. О первом опыте политического зомбирования в сатирическом журнале «Крокодил». Август 1927 // Россия XXI. Ярлыки и мифы. 2020. № 6. С. 100–113.
- Connerton P. Seven types of forgetting // *Memory studies*. 2008. Vol. 1 (1). P. 59–71.
- Connerton P. The spirit of mourning: history, memory and the body // *Seven types of forgetting*. 2011. Pp. 33–51.
- Erdeylyi M.H. Forgetting and remembering in psychology: Commentary on Paul Connerton's "Seven Types of Forgetting" // *Memory studies*. 2008. Vol. 1 (3). P. 273–278.
- Schacter D. The seven sins of memory: how the mind forgets and remembers. Boston, 2001. 272 p.

References

- Apal'kov, D.I. (2017). *Vnutripoliticheskaya bor'ba v RKP(b) – VKP(b) (1920-e – nachalo 1930-h gg.)* [Internal Political Struggle in the RCP(b) – VKP(b) (1920s – Early 1930s)] Cand. hist. sci. dis. Moscow. 206 p.
- Assman, A. (2019). *Zabvenie istorii – oderzhimost' istoriey* [Forgetting History – Obsession with History]. Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie*. 552 p.
- Chernyavskiy, G. (2010). *Lev Trockiyy* [Leon Trotsky]. Moscow, *Molodaya Gvardiya*. 665 p.
- Connerton, P. (2008). Seven types of forgetting. In *Memory studies*. Vol. 1 (1), pp. 59–71.
- Connerton, P. (2011). The Spirit of Mourning: History, Memory and the Body. In *Seven Types of Forgetting*, pp. 33–51.

Erdeyli, M.H. (2008). Forgetting and remembering in psychology: Commentary on Paul Connerton's "Seven Types of Forgetting". In *Memory studies*. Vol. 1 (3), pp. 273–278.

Fel'shtinskiy, Yu. (1988). *Kommunisticheskaya oppozitsiya v SSSR* [Communist Opposition in the USSR]. Vol. 4 (1923–1927). Benson (Vt.), Chalidze Publ. 280 p.

Fel'shtinskiy, Yu.G., Chernyavskiy, G.I. (2013). *Lev Trockiy. Kniga tret'ya. Oppozicioner. 1923–1929 gg.* [Lev Trotsky. Book Three. Oppositionalist. 1923–1929]. Moscow. 464 p.

Kudryavcev, I.I. (Comp.). (2018). *Ob'edinennyi plenum TsK i TsKK VKP(b) 21–23 oktyabrya 1927 g. Dokumenty i materialy* [Joint Plenum of the Central Committee and Central Control Commission of the VKP(b) on October 21–23. Documents and materials]. Moscow. 471 p.

Kvashonkin, A.V., Khlevnyuk, O.V., Kosheleva, L.P., Rogovaya, L.A. (Comp.). (1996). *Bol'shevistskoe rukovodstvo. Peregovora. 1912–1927. Sbornik dokumentov* [Bolshevik leadership. Correspondence. 1912–1927. Collection of documents]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN). 423 p.

Panin, E.L. (2017). *Metody vnutripartynoy bor'by v SSSR v seredine 1920-h gg.* [Methods of Inner-Party Struggle in the USSR in the Mid-1920s]. In *Nauka bez granic: Istoricheskie nauki*. No. 5 (10), pp. 99–102.

Pavlyuchenkov, S.A. (2008). "Orden mechenoscev". *Partiya i vlast' posle revolyutsii. 1917–1929* ["The Order of the Swordsmen". Party and Power after the Revolution. 1917–1929]. Moscow. 463 p.

Reznik, A.V. (2016). *Vvedenie* [Introduction]. In *L.D. Trockiy: pro et contra, antologiya. 2-e izd.* St. Petersburg, pp. 7–40.

Schacter, D. (2001). *The seven sins of memory: how the mind forgets and remembers*. Boston. 272 p.

Serzh, V. (2001). *Ot revolyutsii k totalitarizmu: Vospominaniya revolyutsionera* [From Revolution to Totalitarianism: Memories of Revolutionary]. Moscow, Praksis, Orenburg, Orenburgskaya kniga. 696 p.

Shubin, A.V. (2004). *Vozhdi i zagovorshchiki: politicheskaya bor'ba v SSSR v 1920–1930-kh godakh.* [Leaders and Conspirators: Political Struggle in the USSR in the 1920s and 1930s]. Moscow, Veche. 400 p.

Trockiy, L.D. (1930). *Moya zhizn'* [My Life]. Vol. 2. Berlin. 337 p.

Van Deyk, T.A. (2013). *Diskurs i vlast': Reprerentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and Power: Representations of Dominance in Language and Communication]. Moscow, LIBROKOM. 344 p.

Yurganov, A.L. (2020). *Illyustratsiya edinstva partii v zhurnale "Krokodil" v kontekste bor'by za vlast' v seredine 20-h godov XX v.* [Illustration of Party Unity in the Magazine "Crocodile" in the Context of the Struggle for Power in the Mid-20s]. In *Vestnik RGGU: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya*. No. 10, pp. 135–145.

Yurganov, A.L. (2020). *O pervom opyte politicheskogo zombirovaniya v satiricheskom zhurnale "Krokodil". Avgust 1927* [On the First Experience of Political Zombification in the Satirical Magazine Crocodile. August 1927]. In *Rossiya XXI. Yarlyki i mify*. No. 6, pp. 100–113.

Статья поступила в редакцию 01.12.2021 г.